

Игорь Шестков "Фотограф в Храме Гроба Господня"

Слева от входа в храм Гроба Господня – знаменитая треснувшая колонна, из которой вышел в свое время пасхальный огонь. Давшие взятку турецкому паше армяне не пустили тогда в храм православных. Благодатный огонь в Кувуклии не сошел, зато вышел прямо из колонны в руки патриарха Иерусалимского и посрамил этим армян. Русские попы больше всего ненавидят «латын» и «лютерей», а к армянской церкви, хоть она и миафизитская (попробуйте понять, что это значит – голову сломаете), относятся терпимо. На востоке все не так. Главные антагонисты православных греков в храме Гроба – армяне. Войдя в храм, посетитель натывается на «камень миропомазания», положенный тут в тысячу восемьсот каком-то году. Путеводители по храму утверждают, что плита на камне, та да, действительно, новая. Но уж камень под ней, уж он то точно тот самый, на котором мертвое тело Спасителя обвивали Туринской

плащаницей.

Ротонда изнутри похожа на огромную бочку с коническим завершением. В вершине конуса – окно, обеспечивающее надлежащее освещение. Сцена готова к началу представления. Как жалко, что исполнитель главной роли улетел неизвестно куда. Он единственный, с кем хотелось бы пообщаться. Кувуклия, укрепленная металлическим каркасом, несмотря на все украшения, довольно уродливое сооружение. Ее средневековый прототип был проще и красивее. Его копия сохранилась в монастырской церкви Святого креста баварского Айхстетта.

Внутри Кувуклии – два небольших помещения. В первом хранится кусок камня, на котором сидел ангел, объявивший о том, что Христос воскрес. Во втором – каменная койка, на которой три дня лежало тело мертвого Христа, в то время как он сам, согласно преданию, освобождал избранных грешников от адских мучений. У этой койки-престола молится о ниспослании Благодатного огня коленопреклоненный Иерусалимский патриарх. Он поднимает вверх руки с двумя связками свечей. И огонь «нисходит с неба» – свечи сами собой зажигаются. Впрочем, на этой же койке стоит во время этой церемонии на всякий случай своевременно зажженная лампада.

Центральный православный храм Воскресения Христа – Кафоликон. Недалеко от входа – нечто вроде круглой чаши или табуретки. Эта святая табуретка отмечает особое место, пуп Земли. Вседержитель смотрит из купола Кафоликона мудро-яростно, как Ленин с пропагандистского плаката.

«Голгофа» покрыта роскошными серебряными чеканками и картинками. На полу золоченое «блюдо» с эмалью. В середине блюда – дыра, а под дырой отверстие в скале. Там крепился крест. Справа от блюда – подаренная Храму португальской королевой поясная статуя Марии восемнадцатого века в ящике с стеклянной дверкой. В сердце ее воткнул меч. Изящные пальчики мадонны, ее красивое печальное лицо и многочисленные драгоценности наводят на различные нехристианские мысли.

В подвальном этаже часовня святой Елены, матери Константина, с армянскими мозаиками на полу. На стенах вырезаны тысячи крестов, это автографы крестоносцев. Еще ниже – старая цистерна, в которой нашли Животворящий

крест. На месте находки – красноватая мраморная плита с изображением креста. Найденный тогда крест разделили на две части. Одну часть отправили в Константинополь, другую оставили в храме Гроба и выставили на всеобщее обозрение. Паломники целовали его – и в религиозном экстазе откусывали, что могли, чтобы хотя бы во рту унести кусочек величайшей христианской святыни (по преданию, крест был сделан из древесины райского Дерева познания добра и зла и сложными путями достиг Иерусалима, не без участия царя Соломона и царицы Савской). Позже крест разделили на кусочки и раздали по церквям и монастырям. Небольшой его опилочек хранится тут же, в храме, недалеко от Голгофы.

...

Два раза я был в Иерусалиме и оба раза в феврале. Фотографировал цифровой камерой. Готовил материал для выставки в Берлине. Штатива у меня не было. Не взял я его с собой из Германии, а в Святой земле покупать штатив не хотелось. Купил там зонтик, а он сломался через два часа. В храме Гроба было темно. С рук снимать невозможно, вспышку я не люблю, приходилось устанавливать камеру на какие-нибудь камни или прижимать ее к столбам, колоннам или стенам.

Дождь ледяной лил дни напролет. Пару раз и снежком присыпало Святую землю. Я прятался от непогоды в храме. Бродил по нему, не торопясь, как привидение. Пытался себе представить, что вот тут – лежал мертвый Спаситель, тут с ним говорила Мария Магдалина, тут храпели грубияны-стражники, а тут – римские легионеры играли в кости, делили его рубаху.

В храме Гроба хранятся и толстая короткая колонна, на которой Спаситель сидел, когда ему надевали терновый венец, и обрубок другой колонны, к которой его привязали для бичевания. Терновый венец, кажется, тоже долго хранился в храме Гроба. И молоко Богородицы есть в ассортименте и много чего еще...

Десятки тысяч паломников своими молитвами и слезами превратили мертвый хлам в реликвии. Вдули в вещи, камни, картины, в само пространство новое содержание-дух, создали новую намоленную материю.

Чуда и высшей жизни во всем этом нет, но есть боль, вера, терпение и торжество

ожидания второго пришествия Спасителя. Правды и справедливости. Суда и расправы над деспотами и насильниками. И блаженства для добрых.

Но Спаситель вечно опаздывает. Его небесный поезд задерживается. Подождите, господа, еще десяток эонов...

Чтобы уменьшить боль – на камни ставят зажженные свечи.

Как иголки в иглоукаливании.

...

Для фотографа отсутствие людей – благодать божья.

Люди отвлекают. Молятся, шепчут, толкаются. Монахи и попы различных конфессий устраивают в храме потасовки. Не могут поделить ризу.

Я щелкал и щелкал себе в тишине...

По крышам храма барабанил дождь, вода, казалось, была готова затопить «ненавидимый прокуратором город». Снимал и против воли пропитывался потихоньку – как ромовая баба ромом – молитвами сотен поколений паломников, солью их пота и их слез, вьедшейся в мраморы и порфиры.

...

До того, как воинственный Константин построил тут церковь, на месте Гроба Господня стоял храм Венеры, на алтаре которого приносились «отвратительные христианам» жертвы, где-то рядом с крохотной Голгофой (не гора это, даже не скала, а маленькая приподнятость скальной породы, возвышающаяся над местностью на несколько метров) стояла массивная статуя Юпитера.

Что заставило деспота, казнившего собственного сына и заморившего жену в бане, поверить в басни распятого еврея?

Скрыть родное ему античное величие, копаться в земле и гравии, в поисках каменной норы, в которой за три столетия до него кто-то будто бы похоронил сына плотника, проповедника и бесогона, накормившего тремя рыбами триста человек? Который к тому же был распят, но воскрес и из погребальной пещеры то ли сам ушел, то ли улетел как вертолет прямо в небо. Потом – как Наполеон – на короткое время вернулся, побеседовал с учениками, позволил апостолу Фоме потрогать свои розовые внутренности и отчалил навсегда в Царствие Небесное. Прямо с горки взлетел, тут, недалеко, за кладбищем. Там и след ноги на камне сохранился.

Неужто Константин действительно во всю эту чушь поверил из-за снов, видений, увещаний мамыши или дурацких знамений на небесах?

Что заставило римского императора построить на месте старой каменоломни храм-колосс (современный храм раза в четыре меньше константинового), щедро украшенный золотом и драгоценными камнями в честь человека, у которого золота никогда не было? Бедняка, который принципиально отвергал не только деньги, но и храмы...

Что вообще заставляет нас – каждого, по мере своих сил и возможностей – совершать безумные поступки? Жажда власти? Страх смерти?

Хорошо, что ужасное творение Константина до нас не дошло.

Все, что его зодчий Макарий Иерусалимский после разрушения храма Венеры и статуи Юпитера имел – это пологий склон небольшого холма, груды щебня, скалы, чахлый садик. Несколько старых еврейских пещерок-гробниц – возможно с костями, неизвестно кому принадлежащими.

С момента распятия до начала строительства храма прошло триста лет. Макарий не откопал – как археолог – артефакты, а хорошо поработал с тем, что имел под рукой. Инсценировал завершающие события и сцены Страстей Христовых. Назначил какую-то пещерку – а таких в Иерусалиме и в окрестностях сотни если не тысячи – гробницей Христа. Срыл холм, так что и пещерки никакой не осталось, построил не ее месте – первую Кувуклию. Рядышком вырубил в скалах возвышение – Голгофу. Пробил в нем сверху дырку и воткнул в нее золотой крест. Чем не реликвия? Настоящий Животворящий крест тем временем тоже как-то странно быстро нашелся. Явился и камень Помазания. И все прочее. Не лишне напомнить, что Константин был сказочно богат и денег на этот свой проект не жалел.

Макарий продолжил в архитектуре то, что в письменном виде сделали авторы евангелий. Из разрозненных воспоминаний очевидцев, из сказок и были они выплели свои жития Иисуса, не раз впоследствии отредактированные под нужды церкви церковными редакторами. Искренно желая приблизиться к правде, евангелисты так плотно замешали крохотные золотинки истины в густое тесто вранья, что теперь и сам черт не разберет, что с Иисусом на самом деле произошло, а что нет, что он сам говорил, и что ему приписали адепты...

Почти тысячу семьсот лет благочестивые христианские бутафоры продолжали дело Макария, изготавливали всевозможные святыни для Храма Гроба.

Воссоздавали, как могли, материальные свидетельства по евангельскому тексту. Продавливали сквозь его колючую гравировку свою пластилиновую веру и творили из слов вещи.

...

Людям не нужна истина, им нужно успокоительное. Не нужен им и живой Христос.

Человеку нужен всеильный Бог, пребывающий где-то там, «на небесах», которому можно молиться, которого можно умолять, которому надо приносить жертвы. Человеку нужен культ, ритуал и надежда. А Константину еще позарез нужна была военная победа над Максенцием и над Лицинием. И вот из кучи мусора и камней, поверх старых могил появился Храм...

Античный мир устал от культа победы, силы, красоты, коварства, плодородия. Слишком много было в нем обездоленных бедняков, слишком мало аполлонов и зевсов. Распятый лузер Иисус вызывал сочувствие у таких же униженных и бесправных. Его проповеди и обещания внушали надежду. Его последователи помогали друг другу как могли. И свершилось чудо – кастрат Иисус прогнал с Олимпа всеильного бабника Юпитера. Встал на место Аполлона. Заслонил собой слишком абстрактного Саваофа.

Полагаю, это не случилось бы, если бы Константин не изменил историю человечества Миланским эдиктом о веротерпимости.

...

Ничего подлинного в храме Гроба нет. Декорации. Камни, деревяшки, картинки, чеканки. Гробы повапленные, по выражению самого Иисуса...

Безобразные мозаики, отвратительные низкие колонны, изъеденные какой-то гадостью камни, ужасный церковный туалет, «Благодатный огонь», теснота, убогость, кич, дебильные улыбки умиления на устах верующих, насупленные брови вечно чем-то недовольных священников и монахов.

Единственное, что тут настоящее – это грубо вырубленная в почерневшей скале низенькая пещерка напротив коптской часовенки. Это и есть Гроб. Гробница какого-то еврея. Может быть, действительно, Иосифа Аримафейского. А может

и самого Христа.

Туда небось и положили его мертвое тело...

И не было ни стражников, ни ангелов. Много чести распятому охальнику!

Никто не приходил к этому паршивому месту. Петр отрекся. Иуда повесился.

Остальные от страха разбежались кто куда. Обезумевшая от горя Магдалина галлюцинировала, как галлюцинируют безутешные вдовы. Она-то и выдумала сказку про воскресение. И даже смогла позже убедить простаков-апостолов.

Про пещерку просто забыли.

Но не все. Через год малограмотная мать положила кости своего несчастного сына в глиняный ящик и похоронила его в какой-нибудь другой иерусалимской яме, которых тут что кротовых нор на берлинских газонах.

Так закончилась эта печальная история для ее главного героя.

Все остальное – креативный бред пострадавшего человечества, амбиции его мерзавцев-правителей и всезнающих шарлатанов пастырей. Лабиринт, в центре которого нет сокровища, только гулкая пустота, по которой разгуливают призраки.

Я много раз пытался снимать с рук в гробнице Иосифа. Чувствовал там какое-то присутствие. Но ничего не вышло.

Надо было все-таки купить штатив. Может быть тогда я смог бы разглядеть на снимках что-либо кроме темноты, неясных бликов и щербатых каменных стен...